

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

СКОПИЛИ ГОДЫ РАДОСТЬ ВСТРЕЧ...

* * *

Мы знаки созвездий, мы выше планет,
Мы гордость вселенной, мы не электроны,
Но кто бы мы ни были, Новый Завет
Льёт в души больные живительный свет,
И гаснут природы слепые законы.

* * *

Китай увозит русский лес,
В нём гибнут сказки и виденья.
Где зверь бродил, ликует бес
И стонут пьяниц привиденья.

Пересыхают ручейки,
Редуют реки Прибайкалья,
И с чьей-то вражеской руки
В лесах снуёт орда шакаля.

БРОНШТЕЙН Виктор Владимирович родился в 1951 году в Иркутске. Окончил Иркутский политехнический институт. Автор трёх книг стихов: "Гул небесный" (2008), "Солёный привкус детства" (2008), "Соль жизни всей" (2009). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Потоки встречного “шмутья”
В нас бьют, разрушив все плотины,
Ремёсла гаснут. Нет жнивья.
Вывозят женщин и картины.

Нас душат вещи, топит муть,
Что день и ночь с экранов льётся,
“Прессует” пресса: “Позабудь,
Что русским твой народ зовётся!”

* * *

Пока что ветераны есть
В России, гневающей Бога,
Жива солдат великих честь,
Их ратных подвигов не счесть...
Но тьма всё гуще у порога.
Не уходите, ради Бога!

ВТОРОЙ “ТИТАНИК”

Казалось всем на корабле,
Что праздник вечно будет длиться;
Пушай скрежещет лёд во мгле —
Причины нет не веселиться!

Вот так же Родина моя
Смеётся,
В выборы играет...
А капитанская семья
В надёжных шлюпках восседает.

* * *

Речка резво теченьем сверкала,
Время медленно в юность текло,
Но стихов ты моих не читала,
И по ветру мой пыл разнесло.

Озорно мы порою купались,
Я нырял к тебе с криком: “Держись!..”
Лишь вчера мы с тобой попрощались,
А прошла уже целая жизнь...

* * *

По телевизору твердят:
Конец, мол, света где-то рядом.
К нам астероиды летят,
Зловещим облаком грозят,
Нас травят пессимизма ядом.

Пуская в космос корабли,
Сулили счастье нам Советы,
И дружно радио, газеты
И олимпийские победы
Здоровый дух наш берегли.

Теперь сменило бодрый дух,
Пустопорожнее веселье,
А души, словно лёгкий пух,
Колышет ветер запустенья.

* * *

Не до страшных сомнений вселенских,
Когда за полночь лесом бредёшь
И вдали от огней деревенских
Зверя, птицу ль нежданно вспугнёшь.

Или свист вдруг пронзительный слышишь,
Ох, не надо во тьме никого..
А к утру, когда на люди выйдешь,
То-то на сердце станет легко!

* * *

Памяти Г. Гайды

Скопили годы радость встреч
И нежность поцелуев.
Их трудно в памяти сберечь —
Убыток неминуем.
Но стая белых голубей
Над крышей детства кружит.
И брат кричит мне: “Не робей,
На небесах в сто крат светлей,
Ни страха нет, ни стужи!”

* * *

Казалось, что бабушки будут всегда
Шершавой ладонью разглаживать детство.
Но вёсны бурлили, смывая года,
Я в пенье ручьёв слышал времени бегство.

Я рано заметил бескрайность небес,
Себя ощущая летящей искрою
Сквозь ветрено-тёмный пугающий лес.
О страхе своём лишь сегодня открою.

За няню, за мать, за отца, за себя
Нас бабушки грели, добры и суровы.
Война прокатилась — мужей истребя..
В любви к нам спасались несчастные вдовы.

Два дома лежало на бабке моей —
Её дочерей, и родной, и приёмной.
Увы, большевистский был норов у ней
С металлом команд, по-крестьянски упорный.

Мы строим ходили, туда и сюда,
Но всё-таки были одеты и сыты.
Но как сверх талонов бывала еда —
Подобные тайны во времени скрыты.

Как жаль, что нам песен не пел соловей,
О Боге молчала стальная эпоха.
А вместо хоругвей портреты вождей
Взирали на нас, провинившихся, строго.

* * *

Поэт очень редко живёт, как монах —
Церковных обрядов начётчик.
Вселенский он чувствует гибельный страх,
Как в штопоре замерший лётчик.

Спасение лётчика — верный штурвал...
И друг-парашют наготове.
Смогу ли я выдержать мира обвал,
Паля на восторженном слове?